

На правах рукописи

Запорожченко Галина Михайловна

**ГОРОДСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ СИБИРИ
В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА.**

1890-е – февраль 1917 г.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант:

Николаев Александр Алексеевич, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Скубневский Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет»

Чуркин Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет»

Дегальцева Екатерина Александровна, доктор исторических наук, профессор, Бийский технологический институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится 23 июня 2016 г. в 10 час. 30 мин.

на заседании диссертационного совета Д 003.030.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте <http://www.history.nsc.ru> Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Симонов
Дмитрий Геннадьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы. Кооперация занимала важное место в модернизационных процессах, которые обозначились в России в конце XIX – начале XX в. Потребительские кооперативы возникли первоначально в городах, на промышленных предприятиях и железных дорогах, после чего получили широкое распространение в деревне. Являясь продуктом развития рыночных отношений, кооперация смягчала противоречия, сопровождавшие становление капитализма. Население воспринимало потребительские кооперативы как средство повышения жизненного уровня и социальной защиты.

Представляя собой, по сути, частные организации самопомощи, потребительские кооперативы сочетали в своей деятельности хозяйственно-экономические и общественные функции. В условиях монархической государственности они руководствовались принципами общедоступности, демократизма и равноправия для всех участников независимо от их сословного, имущественного и социального положения. В обстановке роста революционных настроений кооперативное движение обозначало перспективу мирных эволюционных преобразований, реформаторскую альтернативу. Наряду с земскими и другими общественными организациями и институтами кооперация являлась одной из платформ формирования гражданского общества. Значительный общественно-преобразовательный потенциал кооперации заключался в создании новых форм хозяйственных отношений, пробуждении социальной активности, развитии гражданской инициативы, самоуправления, духа солидарности и сотрудничества. Благодаря этому кооперация стала самым заметным из всех общественных течений. К 1917 г. в стране насчитывалось 20 тыс. потребительских обществ с числом членов 5 млн чел. и оборотом 1 млрд руб.¹

В советский период в условиях партийно-государственного контроля и централизованного распределения ресурсов самостоятельные организации были свернуты, что подкреплялось теоретическими представлениями о второсортности кооперативной формы собственности в сравнении с государственной и общенародной. Потребительские кооперативы остались лишь в сельской местности. В силу этих обстоятельств наша страна осталась в стороне от поступательного в целом развития мирового кооперативного движения.

В современной российской кооперации происходит сокращение объемов товарооборота и заготовительной работы, деградация материальной базы. Игнорирование демократических принципов управления приводит

---

¹ Меркулов А.В. Кооперация в 1917 г. // Союз потребителей. 1918. № 1–2. С. 10.

к фактическому превращению кооперативной собственности в акционерную, принадлежащую ограниченному кругу инвесторов. По экспертной оценке зарубежных специалистов, несмотря на формальное наличие кооперативов Россия превращается в кооперативную пустыню, что особенно заметно на фоне устойчивого положения кооперативного сектора в экономиках различных стран мира.

Актуальность обращения к истории дореволюционной кооперации диктуется сложностью и незавершенностью модернизационных процессов, теоретическому осмыслению которых будет способствовать комплексная характеристика кооперативного опыта общественно-экономической самоорганизации населения как одного из механизмов прогрессивного развития общества в процессе модернизационного перехода.

Степень изученности темы. Изучение истории кооперации в России всегда являлось одним из приоритетных направлений в отечественной историографии. Разработку кооперативной тематики условно можно разделить на ряд этапов, начиная с *дореволюционного*. Кооперация привлекала внимание представителей либеральной интеллигенции, видных экономистов, общественных и кооперативных деятелей – С.Н. Прокоповича, А.В. Меркулова, М.Л. Хейсина, А.Н. Анциферова, К.А. Пажитнова, В.Ф. Тотомиянца, М.И. Туган-Барановского и др. – идеей смягчения противоречий социально-экономического развития страны. В их трудах была разработана концепция кооперации как важного общественного движения, проблемы ее развития принципиально рассматривались через призму западноевропейского опыта, основанного на проверенных временем родчельских правилах.

Первые работы о сибирской городской потребительской кооперации – опубликованные в периодической печати в 1912–1916 гг. очерки о деятельности кооперативов в Забайкальской области и Томской губернии кооперативных деятелей П.Н. Маркова, М. Омича, Н.А. Рожкова, Д. Илимского (Д.И. Голенищева-Кутузова) – имеют источниковедческое и историографическое значение².

В начале *советского* этапа историографии – в 1920-е гг. – решалась судьба кооперации и определялась ее роль в строительстве нового общества. Революция 1917 г. в конечном итоге не дала кооперации того, что она ожидала. В соответствии с декретами 1919–1920 гг. кооперативы действовали без паевых взносов, на основе обязательного членства, за-

---

² Омич М. Сибирская кооперация в 1912 г. // Вестник кооперации. 1912. № 2; Рожков Н.А. Положение потребительской кооперации по различным губерниям и областям. Забайкальская область // Ежегодник МСПО. 1914 г. М., 1916. Вып. 4; Марков П.Н. Кооперативное движение в Томской губернии // Вестник кооперации. 1912. № 6; Марков П.Н. Томская губерния // Ежегодник МСПО. 1914 г. М., 1916. Вып. 4; Илимский Д. От распыления к организации: очерки кооперации в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 1.

нимались заготовкой и распределением товаров как часть Наркомпрода и утратили черты кооперативной организации.

В это время наиболее весомый вклад сделан представителями «старой школы», которые в основном не восприняли идеологию, официально утвердившуюся в стране, – А.В. Меркуловым, М.Л. Хейсиным, В.Ф. Тотомианцем. Рабочую кооперацию исследовал М.С. Балабанов. Историко-графический ресурс по кооперативной проблематике систематизировался в библиографических каталогах Н.Ф. Гриценко и А.В. Меркулова. Сибирская кооперация была представлена работами Д. Илимского и В.Н. Махова³, которые обобщили богатый фактический материал и заложили основы для создания цельной картины зарождения и развития потребительской кооперации в регионе.

Противоречивость советских реформ в области кооперации отразилась на тематике исследований. Постепенно в них возобладал упрощенный подход к российскому кооперативному движению. Отмечалась его незначительность и буржуазная природа, отсутствовало четкое представление о существенных отличиях официальной кооперативной системы советского периода от дореволюционной свободной кооперации.

С конца 1920-х – начала 1930-х гг. историографическая работа в области истории кооперации прервалась на долгие годы, что связано с изменением политического климата. С 1935 г. имущество и капиталы городской кооперативной сети были переданы Наркомату торговли, потребительская кооперация сохранилась только в сельской местности. Прекращение существования кооперации в СССР как общественного самостоятельного движения определило ее исключение из проблематики исторических исследований. В единственной работе Я.А. Кистанова (1951 г.) отмечались успехи в развитии потребительской кооперации в СССР.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. интерес исторической науки к кооперации возобновился. Это произошло на фоне определенных изменений во внутренней политике – осознания необходимости придания социалистической системе новой динамики. Актуализация кооперативной тематики произошла под идеологическим прикрытием дискуссии о месте и роли кооперации в социалистическом строительстве, в частности, в преобразовании аграрного сектора. Расхождение во взглядах наметилось по проблемам социальной природы и социальной направленности кооперации.

Для исследований 1960–1980-х гг. характерно отсутствие обобщающих трудов, заданность методологических и идеологических подходов, постепенное нарастание догматических стереотипов. Потребительская кооперация трактовалась как второстепенная кооперативная система по сравнению с колхозами. Исторические заслуги дореволюционной коопе-

---

³ Илимский Д. Кооперативные союзы в Сибири (1908–1918 гг.). М., 1919; Махов В. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Новониколаевск, 1923.

рации игнорировались, она рассматривалась как организация кулацко-ростовщическая, буржуазная и контрреволюционная. Отдельные авторы (Г.А. Дихтяр, Л.Ф. Морозов, В.В. Кабанов), добросовестно следуя за историческими фактами и логикой, признавали факт существования в царской России мощной кооперативной сети и отводили в своих трудах определенное место для ее описания, но, отдавая дань господствовавшим концепциям, отказывали в признании ее роли и заслуг руководителей. Сложился постулат о коренном преобразовании старой кооперации партийно-государственным руководством, прежде всего принципов ее функционирования и социального состава, на основании советских декретов с применением терминов «внедрение», «овладение», «завоевание».

Наибольшее внимание дореволюционной кооперации уделено в работах Л.Е. Файна и И.А. Фарутина, считавших, что роль потребительской кооперации выходит за пределы «ленинского кооперативного плана», и видевших в ней самостоятельный компонент экономических отношений. Они раскрывали позитивные взгляды дореволюционных теоретиков, показали, что деятельность дореволюционной кооперации положительно сказывалась на материальном положении рабочих и крестьян, состоянии хозяйств мелких производителей, что кооперация являлась огромным культурным наследием, которым надлежало дорожить и пользоваться.

В 1960–1980-е гг. активизировалось изучение кооперативного движения в Сибири. В.Г. Тюкавкин, Л.М. Горюшкин, В.Н. Худяков обозначили широкий круг вопросов о месте кооперации в капиталистическом хозяйстве Сибири, сельскохозяйственном производстве, росте на базе зачаточных форм капитализма его развитых, «городских» форм, одной из которых являлась кооперация в сфере потребления. В работах И.А. Корякина, В.А. Кригера, И.И. Курьяна, М.К. Яковенко, И.Г. Лашкова раскрывалась история возникновения и деятельности крупных городских всесословных и рабочих потребительских кооперативов и кооперативных союзов в Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Западной Сибири.

Б.В. Иванов исследовал социально-экономическую сторону сибирского кооперативного движения и его политическую роль в период острого социально-политического кризиса. Прогрессивное значение деятельности дореволюционной потребительской кооперации, которая в целом определялась как буржуазная, историк видел в содействии утверждению капитализма, трансформации кулацких хозяйств Сибири по фермерскому пути. Городским потребительным обществам уделялось внимание в связи с определением степени влияния на кооперацию различных течений политической ссылки – большевиков, меньшевиков, эсеров⁴.

---

⁴ *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1975.

Близость темы к проблематике, связанной с организациями рабочего класса, обусловила обращение к ней исследователей революционного движения. С.П. Днепровский, А.П. Толочко, Д.И. Копылов, В.М. Самосудов, М.М. Валивач, Г.А. Титов, Л.Л. Кузнецов, Н.М. Кравец, Ю.П. Плотников, Н.И. Семкина, Л.Ф. Берсенева в научных статьях существенно продвинули изучение ряда городских кооперативов с большой рабочей прослойкой, уделив внимание аспектам, раскрывающим роль кооперации в процессах общественной самоорганизации. В целом рабочие кооперативы рассматривались в качестве штабов подпольных ячеек партии большевиков, точка зрения которых по вопросам кооперации апологетически распространялась авторами на сущность самого кооперативного движения. Фактический материал о рабочих кооперативах на рудниках и шахтах в научный оборот ввели А.А. Мухин, В.И. Зиновьева, Д.М. Зольников.

Результаты исследований 1960–1980-х гг. были включены в обобщающие труды по истории рабочего класса Сибири и третий том пятитомной «Истории Сибири». Несмотря на доминирование в советской науке концепции о буржуазной природе потребительской кооперации и ограниченности ее потенциала с точки зрения борьбы за социализм в историографии начали формироваться новые, более глубокие представления о месте кооперативных форм хозяйствования в обществе.

Перелом в исследовании кооперативной проблематики наступил *на рубеже 1980–1990-х гг.* в условиях деидеологизации и перестройки общественно-экономических отношений. Новый подход обозначился на научных конференциях, состоявшихся в 1991–1992 гг. в Екатеринбурге, Новосибирске и Тюмени. Докладами и тезисами, а также примыкающими по времени публикациями и статьями Л.Е. Файна, А.О. Бунина, А.Ю. Кабанова, В.В. Кабанова, А.А. Николаева, А.Н. Лютова, Н.Н. Метельского, В.П. Петровой, С.А. Папкова, С.П. Махначевой, В.В. Коновалова, Е.А. Шушкановой, было положено начало складыванию современной концепции кооперации.

Пересмотр содержания утвердившегося в советской историографии термина «ленинский кооперативный план» позволил по-новому поставить вопрос о кооперации. Было признано, что не только военно-коммунистическую, но и нэповскую кооперацию с натяжкой можно отнести к организациям кооперативного типа. Важным следствием этого явился наметившийся поворот фокуса внимания исследователей к объективному изучению истории дореволюционной российской кооперации.

Сложилось несколько исследовательских центров изучения кооперативной тематики:

1) в отделе истории экономической мысли Института экономики РАН (Москва) под руководством Н.К. Фигуровской с публикацией серии трудов большого коллектива авторов «Кооперация: страницы истории»;

2) в Институте экономики Российской академии сельскохозяйственных наук в отделе кооперации под руководством доктора экономических наук А.А. Степанова;

3) в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург) в лаборатории теории, истории и практики кооперации, объединившей специалистов в области кооперации городов Урала и Тюмени под руководством Н.Н. Метельского;

4) на историческом факультете Ивановского государственного университета в рамках научной школы Л.Е. Файна, известной трудами К.Е. Балдина, А.О. Бунина, А.В. Соколовского, А.Ю. Кабанова, Н.Р. Коровина и др.;

5) в Институте истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск) под руководством Л.М. Горюшкина, Н.Я. Гущина, а в настоящее время – В.А. Ильиных и А.А. Николаева.

Существенное влияние на историографию продолжают оказывать труды Л.Е. Файна⁵. Главной отличительной чертой возглавляемой им «ивановской школы» стала оценка кооперации как разнофункционального института общественной самодеятельности, самоуправления, самостоятельности, важного компонента рыночных отношений, продукта всей человеческой цивилизации. Л.Е. Файн проследил эволюцию всех видов и форм кооперации в России в условиях развития капиталистического рынка во второй половине XIX – первой трети XX в., показал истоки, мотивы и последствия военнокоммунистической реорганизации «буржуазной» кооперации в годы Гражданской войны, выявил особенности ее функционирования в рамках квазирыночной нэповской экономики и причины насильственного свертывания на рубеже 1920–1930-х гг. Анализируя историю кооперативной теории и идеологии, автор подчеркнул, что сложившиеся к Октябрю взгляды ряда теоретиков кооперации были в известной степени альтернативой ленинской точке зрения и социально-экономическому выбору в целом. В противоположность стереотипу трактовки кооперации как торгашеской и кулацко-ростовщической подчеркивалось, что кооперация ослабляла остроту социального расслоения, замедляла темпы пролетаризации, помогая наименее обеспеченным и социально незащищенным слоям.

Таким образом, в начале 1990-х гг. начался отход от господствовавших в советской историографии представлений. Потребительская кооперация стала рассматриваться как крупнейшая организация, которая, несмотря на определенную зависимость от царских властей и крупного капитала, была все же организацией кооперативной, функционировала на

---

⁵ *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994; *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк 1861–1930. Иваново, 2002.

основе присущих этому типу общественно-экономических организаций принципов и обслуживала многомиллионные слои населения страны.

В подобном ключе рассматривали различные виды кооперации в России в диссертационных, монографических исследованиях и научных статьях А.П. Корелин, К.Е. Балдин, В.В. Кабанов, Ким Чан Чжин, А.В. Лубков, Е.Ю. Болотова, А.В. Соболев, А.А. Вологдин, М.И. Дударев, И.А. Кудинов, О.А. Липич, А.К. Гагиева, С.Ю. Попов, О.А. Черников, З.Р. Кочкарова и др.

В этот период в историографию органично влились не востребовавшие ранее труды эмигрировавших российских ученых И.В. Емельянова, А.Д. Билимовича и др.⁶ Российский опыт привлекал внимание зарубежных историков К. Салзман, Я. Коцониса, Ш. Мерля и др.⁷

В историографии сибирского кооперативного движения наблюдалась заметная активизация исследовательского интереса, дифференциация и регионализация тематики. Новые подходы – перемещение фокуса исследовательского интереса с политических, радикальных форм активности демократических слоев населения на мирные, экономические – проявились в трехтомном хроникально-статистическом труде «Рабочее движение в Сибири», изданном коллективом томских историков с главным редактором В.П. Зиновьевым в 1988–1992 гг.⁸

В диссертациях, монографиях и статьях В.В. Аксарина, В.К. Алексеевой, А.П. Анашкина, О.А. Баранова, Н.И. Бурнашевой, А.А. Гаврилова, М.В. Гузик, А.В. Иванова, Т.А. Константиновой, И.А. Корякова, Л.Х. Коряковой, Ю.С. Левашова, И.Б. Ломакиной, А.Н. Макеева, Г.М. Малаховой, А.А. Николаева М.В. Пановой, Н.Ю. Пивоварова, В.М. Рынкова, Б.С. Старина, А.Г. Сыщенко, Е.М. Чедуровой, О.В. Чудакова нашли отражение вопросы возникновения и развития кооперативного движения в дореволюционный период в Восточной и Западной Сибири, Забайкалье, Якутии, на Алтае. Важным итогом их разработок стали выводы о том, что персонификация ответственности, утвердившаяся в кооперативных формах хозяйствования в отличие от артелей и общины, для российской коллективистской ментальности являлась прорывом формационного значения. Трудам

---

⁶ Емельянов И.В. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций / пер. с англ. Тюмень, 2005; Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М., 2005.

⁷ Salzman C. Consumer Cooperative Societies in Russia, Goals versus Gains. 1900–1918 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. V. 23. № 3–4; Kotsonis Y. Making peasants backward: Agricultural cooperatives at the agrarian question in Russia, 1861–1914. New York, 1999; Мерль Ш. Кооперативное движение в царской России и в первые годы советской власти: роль в национально-государственном строительстве [пер. с англ.] // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. М., 2013. Вып. 8.

⁸ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: в 3 т. Томск, 1992. Т. 3. С. 40.

сибирских историков присуще изучение регионального кооперативного движения как части общероссийского, имевшего те же этапы и тенденции. Вместе с тем отмечена его определенная специфика, связанная с естественноисторическими, этнопсихологическими и социокультурными особенностями местных условий. Результаты исследований по кооперативной тематике включены в «Историческую энциклопедию Сибири» – издание, отражающее основополагающие аспекты развития региона.

Таким образом, в обширной историографии дореволюционной кооперации последовательно сменяли друг друга периоды идеализации кооперативных форм хозяйствования, критики их буржуазного, реформистского характера, объективного анализа сущности движения. Исследователи концентрировали внимание в основном на социально-экономической и политической проблематике, выявляя место кооперации в рыночной экономике и революционном движении. В большей степени изучалась аграрно-кооперативная линия российской модернизации, чем городская ветвь кооперации. На рубеже 1980–1990-х гг. в кооперативной историографии начался отход от господствовавших в советской историографии представлений о буржуазной природе, ограниченности целей и значения потребительской кооперации. Она стала рассматриваться как наиболее массовая общественно-экономическая организация, создавшая эффективный хозяйственный механизм, ставшая важным компонентом рыночных отношений, средством жизнеобеспечения и социальной защиты населения в условиях рыночной экономики.

Всеобщее признание получили представления о надформационном характере кооперативных форм объединения, их важном цивилизационном аспекте ввиду множественности функций кооперации. Ряд историков обозначили проблему влияния кооперативных форм на развитие гражданственности, ответственности и предприимчивости (Я. Коцонис, К. Салзман, А.В. Иванов). Характерной чертой становится формирование более глубоких комплексных подходов к анализу сущности движения и включение кооперации в контекст исследования более общих проблем отечественной истории – модернизации страны, альтернативности путей социально-экономического развития, особенностей российского менталитета.

Дореволюционная городская потребительская кооперация Сибири, став объектом исследования в работах В. Махова, выводы которого сохраняют важное значение до сегодняшнего дня, в дальнейшем оказалась вне поля зрения исследователей. В позднесоветской и перестроечной сибирской историографии тема рассматривалась весьма фрагментарно и ограничивалась реконструкцией деятельности отдельных обществ. Но по сравнению с другими регионами сибирская городская кооперация получила лучшее освещение. Недостаточная изученность кооперативного

движения в городах России⁹ не позволяет в полной мере использовать ресурс компаративистского подхода.

Получили освещение отдельные аспекты, расширяющие представление о функционировании кооперации в сибирском социуме в начале XX в. как института общественно-экономической самоорганизации населения – состояние кооперативного законодательства, динамика численного и социального состава кооперативов, их участие в снабжении населения и армии в годы войны, взаимоотношения с государством и общественным самоуправлением, культурная работа, отношение к вопросам общей и кооперативной политики. В то же время специалисты отмечают существенный дефицит исследований, целенаправленно рассматривающих дореволюционную российскую и региональную потребительскую кооперацию в контексте проблем становления гражданского общества¹⁰. Отсутствует обобщающий труд, комплексно характеризующий место дореволюционной сибирской городской потребительской кооперации в процессе модернизационного перехода как эффективного механизма регулирования хозяйственно-экономических и социальных отношений.

Объектом исследования являются потребительские кооперативные организации в городских поселениях Сибири.

Предмет исследования – экономическая и общественная деятельность городского населения в потребительских кооперативных организациях и ее влияние на формирование деловой предпринимательской активности и социально-культурной среды.

Цель исследования – изучение функционирования дореволюционной потребительской кооперации как социально значимого института, стабилизовавшего экономику и общество в период войн и социально-политических кризисов, эффективного механизма социализации экономики в процессе модернизационного перехода.

Задачи исследования:

– определить признаки идентичности кооперативных организаций и выделить модель функционирования кооперативной организации в обществе с использованием экономической теории кооперации, концептов модернизации и гражданского общества;

– выявить в исторической динамике процесс создания в городах и городских поселениях Сибири в 1890-е – феврале 1917 г. сети потребитель-

---

⁹ За исключением работы О.А. Черникова: *Черников О.А.* Городская кооперация Центрального Черноземья (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Курск, 2006.

¹⁰ См.: *Болотова Е.Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в.: опыт общественного регулирования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 2; *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги // *Гражданское общество в глобализирующемся мире: материалы науч. симпоз. / под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Соломина, Т. Тумаяна.* СПб., 2008. С. 126, 136.

ных обществ и их роль в жизнеобеспечении городского и рабочего населения;

- доказать взаимообусловленность общественно-политических и правовых условий со степенью эффективности хозяйственной деятельности на основе сложившихся в мировой практике кооперативных принципов;

- раскрыть организационную и союзно-объединительную деятельность кооперативов, показать особенности становления кооперативной демократии и самодеятельности;

- охарактеризовать основные направления хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности кооперативов, взаимодействия с различными общественными структурами;

- оценить степень и результаты влияния на кооперативную работу различных политических сил;

- показать степень влияния кооперативных принципов самоорганизации населения на результативность хозяйственной работы, формирование деловой предпринимательской активности и социально-культурной среды в контексте модернизационных сдвигов в экономике и общественном сознании.

Хронологические рамки - 1890-е гг. – февраль 1917 г. В 1890-е гг. наметился новый подъем кооперативного движения, происходивший на качественно новой основе. Ускоренное освоение Сибири на этапе раннеиндустриальной модернизации сопровождалось бурными урбанизационными процессами. Потребительские кооперативы начали органично встраиваться в социально-экономическую структуру городских поселений и занимать экономическую нишу недостаточно развитой розничной торговли, что определило нижнюю хронологическую грань.

Верхняя грань совпадает с событиями Февральской революции 1917 г., которая изменила политический режим, сделала возможным проведение в стране демократических реформ и принятие 20 марта 1917 г. кооперативного закона, создавшего для развития кооперативного движения новые условия. В необходимых случаях, с целью наиболее полного решения исследовательских задач, автор выходил за эти временные границы, показывая ретроспективу или перспективу того или иного процесса в кооперативной среде.

Территориальные рамки исследования охватывают Томскую, Тобольскую, Иркутскую, Енисейскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области в соответствии с административным делением Сибири 1882 г., а также Акмолинскую область как часть Степного края, исторически тяготеющую к Сибири. Городские поселения в рамках этих территорий включают города, а также рабочие поселки на железнодорожных станциях, шахтах, коях, основное население которых было занято вне сельского хозяйства. Несмотря на различия в размерах территории и чис-

ленности населения они имели много общего с точки зрения управления, социально-экономической и культурно-бытовой инфраструктуры, находились под воздействием сходных процессов, производных от модернизации и урбанизации.

Методология исследования. Исследование основывается на таких научных принципах познания, как *историзм, объективность, системность, комплексность*. *Сравнительно-исторический* метод способствует пониманию региональных особенностей кооперативного движения в контексте аналогичных процессов в европейской части страны. *Институциональный* подход акцентирует внимание на совокупности сформировавшихся в потребительских кооперативных организациях социальных норм и моделей поведения, направленных на интеграцию и стабилизацию общества. *Междисциплинарный* подход ориентирует на использование разработок из различных областей социогуманитарного знания – истории, социологии, экономической теории, социальной философии.

Исследование проведено на основе методологических принципов *формационной, цивилизационной и модернизационной* парадигм. В рамках формационной теории, созданной К. Марксом на принципах исторического материализма, для исследования генезиса и развития кооперативных форм хозяйствования важной является марксова теория *отчуждения* индивида от социальных благ во всех сферах человеческого бытия. Если Маркс рассматривал проблему снятия отчуждения в перспективе упразднения частной собственности и перехода от капиталистической к социалистической формации, то М. Вебер был убежден, что улучшение положения класса наемных работников возможно при капитализме. В свете этого появление первых потребительских кооперативов в середине XIX в. следует считать началом социализации рыночной экономики, способом разрешения противоречий между наемными работниками и предпринимателями в сферах обмена и потребления.

Сегодня на изучение процесса ассоциирования оказывает влияние происходящая со второй половины XX в. в зарубежной и отечественной социогуманитаристике смена эпистемологических и методологических парадигм, переход от марксистских, формационных конструктов к активизации социокультурного подхода, что отражено в трудах А.Я. Гуревича, О.М. Медушевской, Б.Г. Могильницкого, Л.П. Репиной и др. Более распространенным становится обусловленный трудами А. Тойнби, О. Шпенглера, К. Ясперса, Н.Я. Данилевского и др. *цивилизационный подход*, который не ограничивается изучением социально-экономических отношений, независимых от воли человека, а ставит в центр исторического процесса человека. В рамках этого подхода доминируют культурологические, этнопсихологические, экологические и социологические интерпретации локальных цивилизаций как надстрановых культурно-исто-

рических массивов, где в качестве глубинных, матричных структур выступают ментальные установки массового сознания, народный характер, модели взаимоотношения власти и общества, мотивационные механизмы, неформальные институты (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения). Линия развития общества рассматривается как заданная всей его предшествующей институциональной историей¹¹.

В частности, культурно-историческая обусловленность ассоциирования и деятельности индивида в ассоциациях устанавливается сравнением ценностно-рационального (характерного для России) и целерационального (характерного для Запада) нормативных типов, из которого следует, что кооперативные формы ассоциирования логично рассматривать как социальное действие *целерационального* типа с возникающими в результате социальными связями.

Актуальными для исследования кооперативных форм являются введенные Вебером в научный оборот термин «*социальное действие*» и «объясняющий, интерпретирующий» метод. В традиции веберовской «понимающей социологии», продолженной в трудах Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Г. Зиммеля, П. Струве и др., строится изучение социального действия на основе распознавания причин, цели и смысла происходящего с точки зрения вовлеченных индивидов¹².

Продолжением исследования М. Вебером протестантской этики как «духа» капитализма стали разработки теории *социального капитала* как способности людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе, как потенциала взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемого в межличностных отношениях в общественных организациях, сетях гражданской вовлеченности¹³. На социальный капитал мощное воздействие оказывает *культурный капитал*, первый формируется вторым.

В русле веберовского тезиса «культура имеет значение» Дж. Коулман, П. Бурдье, Р. Патнем, Ф. Фукуяма, Л. Харрисон и др. обратились к культурным факторам, определяя их влияние на предрасположенность того или иного социума к прогрессу в социальной, экономической и политической областях. Их исследования выявили: 1) что индивидуалистические (протестантские) культуры породили существенно больший социальный капитал, чем коммунитаристские, общинные, 2) «спонтанную» способность некоторых обществ создавать ассоциации, слабо

---

¹¹ *Побережников И.В.* Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение.* Екатеринбург, 2009. С. 60.

¹² *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 495–546.

¹³ *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М., 2004. С. 26.

сформированную в России, 3) прямую зависимость между численностью гражданских организаций, начиная с самого низкого местного уровня, и качеством развития регионов.

Подобно другим видам капитала социальный капитал продуктивен, являясь социальным «клеем», он тесно связан с построением демократии, гражданского общества¹⁴. В свете разработок социокультурного направления ассоциирование предстает одновременно как фактор формирования и продукт социального капитала, обусловленного типом культуры и накопленного всем ходом развития данного социума.

Культурно-цивилизационный контекст определял различные конфигурации протекавших в обществе модернизационных процессов. *Теория модернизации* в современном историографическом ландшафте является одной из плодотворных и актуальных площадок приращения научного знания. Модернизационная парадигма (как теория и методологический подход), используемая в качестве макрообъяснительной модели, понимает под модернизацией всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий, радикальные и глобальные преобразования человеческого существования и деятельности (экономическую, урбанизационную, политическую, демографическую, культурную революции), происшедшие за последние пять столетий при переходе от традиционного общества к обществу современного типа – индустриальному и городскому.

Теоретико-методологическими опорами служат разработки В.В. Алексеева, В.М. Арсентьева, И.В. Побережников, В.В. Шелохаева, Б.Н. Миронова и др., которые характеризуют вторую половину XIX – начало XX в. как период динамичной раннеиндустриальной модернизации и нарастания влияния тенденций либерально-западнического направления развития. Они раскрывают цивилизационное своеобразие российской модернизации (имперская модель модернизации, ее запоздалый характер, главенствующая роль государства и бюрократии в осуществлении модернизационного перехода) и подчеркивают, что государственная, этатистская модернизация не исключала модернизационных процессов, идущих «снизу», со стороны общества, которые проявлялись в становлении новых форм миропонимания и деятельности¹⁵.

Важное методологическое значение имеет выполненная в духе модернизационной и цивилизационной парадигм историсофская интерпре-

---

¹⁴ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 124.

¹⁵ Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000. [Модернизационная перспектива: проблемы и подходы (В.В. Алексеев, И.В. Побережников)]. С. 10–50; Арсентьев В.М. Экономическое развитие России в XIX – начале XX века: опыт применения модернизационной парадигмы // *Экономическая история*. 2010. № 9; Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // *Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век. Десятилетие. Год. М., 1999; и др.*

тация российского общества на основе теории «социокультурного раскола» А.С. Ахиезера¹⁶. В свете этой теории созидательные и интегративные функции кооперации олицетворяют скрытые потенции общества, ростки той социальной органики, опираясь на которую можно преодолеть социокультурный «раскол». В этой связи закономерно рассматривать кооперативные формы как воплощение «второй», почвенной логики, нацеленной на расширенное общественное воспроизводство, и раскрывать отношение кооператоров к отторгаемым традиционным российским обществом утилитаризму, товарно-денежным отношениям, либеральным идеям и ценностям.

Для истории кооперативных организаций существенное значение имеет методология исследования *экзогенных* факторов модернизационного перехода (экзоинноваций) в соответствии с концепцией *диффузионизма*, основанной на идее распространения форм культуры из центра их выработки к периферии и культурного синтеза в ходе взаимодействия с местными условиями¹⁷.

Концепт модернизации позволяет преодолеть доминирующее социально-экономическое направление исследования кооперации. Кроме экономического аспекта он сконцентрирован на инициативе и автономной активности социальных групп, деятельности объединений и ассоциаций, становлении общественных институтов. Это позволяет расширить теоретический «арсенал» изучения кооперации актуальным для современного социума концептом «*гражданское общество*». Исследовательская гипотеза состоит в соотношении кооперативных форм социально-экономической деятельности с функционированием институтов гражданского общества, важным фактором становления которого является способность граждан к самоорганизации на демократических основах.

Исследования по социологии «гражданского общества», обобщенные Л.М. Романенко, позволяют с теоретической точки зрения рассматривать потребительские кооперативы в качестве институтов гражданского общества благодаря тому, что в социальной системе они выполняют свойственный гражданскому обществу комплекс функций: 1) функцию *адаптации* как способности к защите от внешних возмущающих воздействий, 2) функцию *целедостижения* как способности к эффективному взаимодействию с внешней средой и снятию социальных напряжений на основе мирных консенсусных средств, 3) функцию *интеграции* как ресубъекти-

---

¹⁶ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1997. Т. 1.

¹⁷ Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Екатеринбург, 2009. С. 46–55.

визации агентов социального действия и превращения их из объектов социальных воздействий и манипуляций в социальные субъекты¹⁸.

Разработки по социологии адаптаций Л.В. Корель подтверждают, что в условиях поливариантности и бифуркационности общественного развития кооперация может рассматриваться как долговременная регулярная социальная практика, являющаяся разновидностью институционального ресурса адаптации населения к капиталистической системе и развертыванию модернизационных процессов¹⁹.

Авторы эмпирических историко-социологических исследований современного кооперативного опыта пришли к выводу, что роль потребительского кооператива как инструмента развития гражданского общества можно рассматривать с нескольких точек зрения:

– как *экономическую основу* гражданского общества (вследствие возможности реализации кооперативами в условиях многоукладной рыночной экономики экономических прав граждан);

– как *социальную основу* гражданского общества (вследствие повышения благосостояния и социального благополучия граждан, что содействует формированию средних слоев);

– как *политико-правовую основу* гражданского общества (вследствие создания общественного движения, влияющего на политику органов местного самоуправления и законодательную инициативу по развитию кооперации);

– как *духовную основу* гражданского общества (вследствие возможности формирования в кооперативах сообщества граждан для обмена информацией, совместной социально значимой деятельности, самореализации).

Методологической основой изучения элементов российского гражданского общества служит выделенная Н.А. Проскуряковой его идеальная модель, включающая: «*гражданские права*», «*гражданские институты*» (в том числе общественные организации), «*гражданские практики*», «*гражданские ценности*» (идеационные показатели социальной интеграции)²⁰. Потребительская кооперация вписывается в эту модель как гражданский институт, способствующий социальной интеграции и формированию гражданских ценностей. Как общественная организация кооперация обладает характерными признаками последней, выделенными А.С. Тумановой (негосударственный характер, добровольность, персо-

---

¹⁸ Романенко Л.М. Гражданское общество: социологический словарь-справочник. М., 1995. С. 101–104.

¹⁹ Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 399–401.

²⁰ Проскурякова Н.А. Проблема формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. в социально-политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. М., 2007. С. 194–196.

нальное юридически равноправное членство, выборность руководства, некоммерческая цель, самофинансирование)²¹.

Таким образом, кооперативные формы ассоциирования предстают как целерациональный тип социального действия, в результате которого происходит образование социальных связей между индивидами, создание ассоциаций и устойчивых общественных институтов. Для традиционного российского общества, где превалировал ценностно-рациональный тип социального действия и способность к ассоциированию была слабо развита, кооперативные формы являлись экзоинновацией. Органично вписываясь в модернизационные процессы, кооперативные формы ассоциирования с их функциями адаптации и интеграции способствовали социализации экономики, преодолению социокультурного раскола общества, накоплению социального капитала и развитию сферы негосударственной гражданской деятельности.

Источниковая база исследования. Исследование опирается на комплекс исторических источников разных видов, позволяющих реконструировать деятельность городских потребительских кооперативов в социально-экономическом и социально-культурном пространстве сибирских городских поселений. Это законодательные и нормативные документы, делопроизводственные документы, образовавшиеся в результате функционирования кооперативных организаций, материалы, содержащиеся в справочно-статистических изданиях и периодической печати.

Правовой базой для развития организованной общественной самостоятельности в дореволюционной России являлись разработанные центральными органами власти *законодательные акты и нормативные документы*. В отсутствие единого кооперативного закона правовые нормы, касавшиеся кооперации, были рассредоточены по разным частям Свода законов Российской империи. В соответствии с ними потребительные общества учреждались и действовали на основании *уставов*, утвержденных в МВД. С принятием 13 мая 1897 г. *Нормального устава потребительных обществ* тождественные ему уставы утверждались губернаторами. Законодательные и нормативные документы раскрывают правовые условия развития потребительской кооперации, изменения в отношении нее правительственного курса, механизм административного контроля, состояние цензуры права на общественную деятельность.

Делопроизводственные документы (РГИА, ГАРФ) казенного и кооперативного происхождения разрознены по ряду подразделений МВД и министерств, ведавших торговлей и финансами. На местном уровне, особенно после предоставления губернаторам в 1897 г. права утверждать

---

²¹ Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века (историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 14.

уставы потребительных обществ, документация, связанная с их деятельностью, откладывалась в архивах губернских органов управления и городского самоуправления (губернских правлений и канцелярий, казенных палат, городских дум и управ, полицейских управлений), кооперативных союзов, местных отделов Московского общества сельского хозяйства, Московского народного банка (ГАТО, ГАНО, ИАОО, ГАТ).

В делопроизводственных документах выделяются группы по форме создания и характеру содержащейся информации. Это делопроизводственная документация *протокольной* (журналы заседаний городских дум, стенограммы и труды кооперативных съездов, протоколы общих собраний кооперативов) и *распорядительной* (циркуляры МВД, административные распоряжения и резолюции чиновников) форм, *переписка* между органами власти и кооперативными организациями (прошения и ходатайства о разрешении собраний и съездов, аренды торговых помещений, приобретения участков земли, книжной торговли, устройства курсов, лекций, культурных мероприятий, записки о продовольственном положении) и внутри этих структур (запросы о развитии кооперативного движения в губерниях, официальные письма правлений кооперативов к руководству своих союзов), *отчетная* (доклады и обзоры чиновников МВД и губернаторов, рапорты полицейских чинов, агентурные донесения полицейских агентов, докладные записки инструкторов кооперации, отчеты потребительных обществ), *учетная* (списки членов обществ и кооперативов) и *информационная* (справки полицейских чинов) документация.

Систематизации сведений о развитии кооперации способствуют *справочно-статистические* источники: опубликованные списки потребительских организаций, кооперативные календари, памятные книжки губерний, справочно-статистические сборники, ежегодники Московского союза потребительных обществ.

Разноплановый материал центральных и местных исторических архивов носит характер вкраплений кооперативной и сибирской тематики в обширные массивы документов. В совокупности со справочно-статистическими изданиями он недостаточно репрезентативно освещает все вопросы темы и требует дополнения материалами *периодической печати*. В кооперативных изданиях, кооперативных и новостных отделах общественно-политических журналов и газет публиковались и комментировались законодательные и нормативные документы, отчеты об операциях, общих собраниях и съездах кооперативов, доклады кооперативных деятелей, письма потребителей, заметки о деятельности отдельных кооперативов, союзов, видов кооперации.

Материалы периодической печати представляют особую ценность для изучения кооперации в контексте проблем формирования институтов гражданского общества, давая возможность из наблюдений современни-

ков извлекать совокупность мотиваций, ментальных установок, способов мышления и образов поведения, характерных для инициативных и рядовых участников кооперативного движения. Они делают более доступными для изучения «тонкие структуры» внутригородской коммуникации, процессы в социуме, которые не получили формализованного выражения или прослеживаются каким-либо образом по документальным источникам.

В потребительской кооперации не велось такого учета, как в кредитной кооперации, в отношении которой осуществлялось государственное финансирование, содействие и контроль, статистический учет и документирование деятельности. Менее всего оказалась обеспеченной источниками городская кооперация. Разрозненный и фрагментарный характер источниковой базы предполагает необходимость комплексного использования информационного потенциала всех видов источников с целью достижения поставленных исследовательских задач.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Теоретическому осмыслению места и роли кооперации в модернизационных процессах, которые обозначились в России на рубеже XIX – начала XX в., способствует предложенная модель ее функционирования в обществе, основанная на принципах «экономики участия» и демократического самоуправления. Она позволяет рассматривать кооперацию как инструмент социализации экономики, формирования гражданской культуры и социального капитала. Используемая в конкретно-историческом исследовании модель раскрывает самоорганизующие начала кооперации, проявляющиеся в хозяйственно-экономической и социально-культурной областях, комплексно характеризует кооперативный опыт в контексте проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного субпроцесса модернизации.

2. Развитие кооперативных форм самоорганизации населения в сибирском городе в 1890-е гг. – феврале 1917 г. определялось общими для Российской империи социально-экономическими и политическими процессами, промышленной модернизацией, урбанизацией, прогрессированием культурной сферы. В 1890-е гг. в условиях ускоренного развития капитализма, связанного в Сибири с железнодорожным строительством и усилением колонизации, потребительские кооперативы начали органично встраиваться в социально-экономическую структуру городских поселений и занимать место недостаточно развитой розничной торговли. Устойчивый рост городской потребительской кооперации в регионе начался с 1912 г. К 1917 г. доля горожан, связанных с потребительской кооперацией, доходила в отдельных городах до одной трети населения, приближаясь к общероссийскому уровню.

3. Принципы организации городских всесословных и рабочих кооперативов были идентичны кооперативам рочдельского типа, ориентиро-

ванным не на извлечение прибыли, а на самообеспечение и взаимопомощь. Их основными чертами являлись: 1) широкий социальный состав с преобладанием малоимущих слоев населения, 2) невысокие паевые взносы и размеры дивидендов, 3) распределение прибыли преимущественно пропорционально активному участию в операциях кооператива, 4) стремление использовать прибыль от посторонних и часть дивидендов на общественные и культурные цели, 5) проведение политики низких цен, 6) борьба с торговлей в кредит наряду с организацией кредита для групп малообеспеченных пайщиков. Характерным для городских кооперативов являлась незначительность собственных капиталов и отсутствие финансовой самодостаточности. Тем не менее создаваемая материально-финансовая база носила самостоятельный характер и воспитывала чувство коллективного хозяйствования и ответственности.

4. Центробежные разрушительные силы, изначально присущие социально гетерогенным кооперативным организациям, сдерживались посредством развития самостоятельности пайщиков, демократического самоуправления и контроля на основе положений Нормального устава 1897 г. о верховенстве общего собрания, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, равноправии участников. Успех социальной интеграции в кооперативах зависел от эффективной хозяйственной деятельности, культурной работы, авторитета руководителей, профессионализма наемного штата. Интегративная роль городской кооперации проявлялась как в сплочении пайщиков, так и в построении связей и взаимодействия кооперативов с органами власти, городскими корпорациями и общественными организациями на местном, региональном и общероссийском уровнях.

5. Двойственность функций потребительской кооперации как общественно-торговой организации выражалась в тесной связи и взаимообусловленности хозяйственно-экономической и социально-культурной сфер ее деятельности. Кооперативная торговля и производство, выплата дивидендов играли существенную роль в жизнеобеспечении пайщиков. Создаваемые кооперативами площадки для общения и культурного досуга вносили в социокультурную жизнь сибирской провинции стандарты быта и нравов, присущие крупным городским центрам. Получили развитие передовые для того времени идеи внешкольного образования, благотворительности, кооперативных клубов и Народных домов как центров местной кооперативной и культурной жизни.

6. Несмотря на значительное влияние политических партий и течений, связанных с деятельностью политических ссыльных, что являлось спецификой Сибири, практика городской и рабочей кооперации детерминировалась преимущественно экономическими, а не идейно-политическими факторами. Попытки игнорирования экономических интересов

городских обществ и создания преференций для сельских кооперативов не способствовали складыванию прочных союзных объединений. Ради-кальные политизированные выступления кооперативного актива, обострившие отношения с рядовыми кооператорами, органами городского самоуправления, союзами городов и военно-промышленными комитетами, также не находили существенной поддержки в среде пайщиков. Основная масса участников кооперативного движения как во всехословных, так и в рабочих обществах не приветствовала попытки использования своих организаций в нелегальных целях, сознательно или спонтанно поддерживая идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя.

7. В годы Первой мировой войны сибирские городские кооперативы, являясь частными организациями самопомощи, эволюционировали как институты, отстаивающие общественные интересы, корректировали своей деятельностью усилия власти в решении насущных проблем, оказывали регулирующее и интегрирующее воздействие на жизнедеятельность городского социума. Несмотря на факты противостояния и конкуренции органов местного самоуправления и кооперативов, между ними устанавливались отношения конструктивного сотрудничества, создававшие предпосылки для формирования гражданского общества на региональном уровне. Усиление распределительных функций потребительских кооперативов привело к росту их финансовой зависимости от государства и деформации кооперации как автономной самодеятельной системы.

8. Потребительская кооперация представляла собой крупное общественное движение, способствовавшее пробуждению социальной активности населения и продвижению в сознание и повседневную практику городской общественности ценностей и норм гражданского общества. В кооперативах устанавливались тесные контакты между большими группами горожан, преодолевалось сословное, территориальное и коммуникативное разобщение, формировалась новая ментальность, связанная с самодеятельностью на основе свободного осознанного выбора. Участие горожан в кооперации способствовало формированию качественно новой гражданской и индивидуальной идентичности личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия – преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству, самопомощи, новаторским решениям.

Научная новизна исследования. В работе предпринято комплексное обобщающее исследование деятельности городской потребительской кооперации Сибири в 1890-х – феврале 1917 г. на основе методологических принципов формационной, цивилизационной и модернизационной парадигм исторического знания, экономической теории кооперации и концепта «гражданское общество», достижений отечественной и зару-

бежной историографии, разнообразного круга источников, в том числе впервые введенных в научный оборот архивных документов и материалов периодической печати.

Разработана модель функционирования потребительской кооперации в обществе, в соответствии с которой на примере городских поселений Сибири дана комплексная характеристика потребительско-кооперативного сегмента российской модернизации.

Выявлены основные черты городских кооперативов в Сибири, устанавливающие их идентичность кооперативам рочдельского типа как некоммерческих организаций, рассчитанных не на извлечение прибыли, а на самообеспечение и самопомощь.

Доказана детерминированность развития кооперативных форм самоорганизации населения в сибирском городе как общими социально-политическими, правовыми и экономическими условиями в Российской империи, так и особенностями территорий Сибирского макрорегиона.

На материалах Сибири подтверждена двойственность функций потребительской кооперации как общественно-торговой организации. Показана тесная связь и взаимообусловленность хозяйственно-экономической и социально-культурной сфер ее деятельности.

Доказано, что в практике городской кооперации, ее позиции по отношению к политическим течениям и фактам администрирования в союзном строительстве утверждался приоритет экономической целесообразности перед внешними идейно-политическими факторами, которые могли нанести вред кооперативной экономике.

Раскрыта интегративная роль городской кооперации, проявлявшаяся как в сплочении пайщиков, так и в построении связей и взаимодействия кооперативов с органами власти, городскими корпорациями и общественными организациями на местном, региональном и общероссийском уровнях. Выяснено, что в годы войны сибирские городские кооперативы, являясь частными организациями самопомощи, эволюционировали как институты, отстаивающие общественные интересы, компенсировали своей деятельностью недостаток административного и бюрократического ресурса власти в решении насущных проблем. Обоснован вывод о том, что несмотря на факты противостояния и конкуренции органов местного самоуправления и кооперативов, между ними устанавливались отношения конструктивного сотрудничества, создававшие предпосылки для формирования гражданского общества на региональном уровне.

Теоретическая значимость исследования.

В диссертации разработана модель функционирования потребительской кооперации в обществе, стержневые конструкции которой основаны на принципах «экономики участия» и демократического самоуправления. Используемая в исследовании, она позволила раскрыть самоорганизу-

ющие начала кооперации, проявившиеся в хозяйственно-экономической и социально-культурной сферах, показать ее роль в упрочении горизонтальных интеграционных связей, развитии гражданской культуры и накоплении социального капитала, выявить основные черты городских кооперативов в Сибири, установить их идентичность кооперативам рочдельского типа как некоммерческих организаций, рассчитанных на самообеспечение, а не на извлечение прибыли.

Модель функционирования потребительской кооперации в обществе и результаты ее использования при изучении исторического опыта городской кооперации в Сибири применимы для исследования кооперативного движения в других регионах, что даст возможность использовать компаративистский подход в работах по этой проблематике.

В диссертации дано теоретико-эмпирическое обоснование участия кооперативных структур в модернизационных процессах, которые охватывали экономическую и социально-культурную сферы сибирского города. Доказано, что самодеятельные кооперативные организации способствовали формированию качественно новой гражданской и индивидуальной идентичности личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия – преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству, самопомощи, новаторским решениям.

Доказана применимость к изучению конкретно-исторических задач концепта «гражданское общество». Подтверждена исследовательская гипотеза о соответствии кооперативных форм социально-экономической деятельности функционированию институтов гражданского общества, важным критерием которого является способность граждан к самоорганизации на демократических основах. Потребительская кооперация включена в контекст проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного субпроцесса российской модернизации.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования будут иметь важное значение при подготовке обобщающих, междисциплинарных трудов по истории общественных движений. Они применимы для использования при разработке учебных курсов и пособий по теории и истории кооперации в профильных учебных заведениях, повышения квалификации корпуса кооперативных работников и политической культуры управленческих кадров различных общественных и государственных структур.

Диссертационное исследование актуализирует прогностическую функцию обществоведческого знания, раскрывая на историческом материале диалектический механизм управления общественными процессами (государственный интервенционизм, ограничение или поощрение развития личной инициативы, реализация механизма обратных связей), пока-

зывая, что государство должно быть заинтересовано в социально значимых кооперативных программах не только с целью преодоления негативных социальных последствий экономических рыночных реформ, но и с целью развития институтов полноценного гражданского общества.

Апробация результатов исследования. Они докладывались на восьми международных, восьми всероссийских и одной региональной научных конференциях. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования изложены в 78 публикациях автора, в том числе в 15 статьях в научных журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных работ, 3 монографиях, 60 статьях в других научных изданиях, материалах конференций.

Структура исследования. Диссертация состоит из четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. В приложениях систематизированы характеристики существенных черт и количественные параметры деятельности изученных потребительских организаций, представлена модель функционирования потребительской кооперации в обществе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, дается историографический обзор, определяются объект, предмет, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки исследования, раскрывается методологическая основа, приводится характеристика источников, изложены основные положения, выносимые на защиту, показаны новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Кооперативный сегмент российской модернизации» проанализированы теоретические основы изучения кооперативного опыта с учетом экономической теории кооперации и концепта «гражданское общество». В первом параграфе «Кооперация как элемент гражданского общества» рассматриваются теоретические аспекты включения кооперации в контекст проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного subprocessa российской модернизации. Определение понятия «гражданское общество» и оценка степени его зрелости в позднеимперской России и Сибирском регионе не получили однозначного решения в социогуманитарном знании.

Дж. Кин, А. де Токвиль, Дж. Коэн, Э. Арато, З.Т. Голенкова, В.В. Витюк, Ю.В. Гридчин, А.И. Черных, Л.М. Романенко, К.С. Гаджиев, А.И. Соловьев рассматривают гражданское общество как определенную *сферу* социума – сферу внесударственных отношений, структур и институтов – и концептуализируют гражданское общество как совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и

ценностей, главным объектом которых является гражданин со своими гражданскими правами и гражданские (не политические, не государственные) организации, общественные движения и институты.

Изучение кооперативных форм хозяйствования актуализирует в дихотомной теоретической парадигме «гражданское общество / политическое государство» аспект *экономики*. В трудах европейских просветителей И. Канта, Г.Ф. Гегеля и К. Маркса была разработана классическая *двухкомпонентная* модель, разделяющая общество на государственную сферу и негосударственную, включающую экономику. В XX – начале XXI в. А. Грамши, Дж. Козн и Э. Арато обосновали *трехкомпонентную* концепцию гражданского общества, отделив гражданское общество не только от государства, но и от экономики как сфер, связанных с доминированием власти и капитала. Кооперативные организации, согласно этой концепции, как непосредственно связанные с рынком, входят в «экономическое общество» и не входят в сферу гражданского общества²².

Однако точка зрения о том, что фундамент гражданского общества все-таки составляет рыночная экономика, которая основывается на негосударственных формах собственности – частной и кооперативной, имеет большое распространение в науке, в том числе отечественной²³. Отделение сферы экономики от гражданского общества приводит к тому, что последнее остается пассивным в экономическом смысле, лишается материальных ресурсов, собственности, которые могло бы использовать для своей защиты и экспансии.

Исследователи процесса формирования гражданского общества в Российской империи Дж. Брэдли, Б. Пиетров-Эннкер, М. Хильдермейер, Л. Хефнер, Х.-Д. Лёве, Э. Кимбэлл, Дж. Бурбанк, А. Линденмайер, Е. Лебедева, А.С. Туманова, Н.А. Проскурякова, Е.Ю. Казакова-Апкаримова и др. полагают, что в принципе формы гражданского общества *совместимы* с сущностными чертами российской цивилизации и *органичны* для нее благодаря сходному с Западной Европой спонтанному генезису капитализма в недрах феодального общества и демократическим традициям самоуправления.

Базовыми условиями формирования гражданского общества являлись процессы, свойственные модернизации. Противоречия российской модернизации, раскрытые В.В. Алексеевым, В.М. Арсентьевым, И.В. Побережниковым, Б.Н. Мироновым, В.В. Шелохаяевым, С.В. Тютюкиным, С.В. Беспаловым и др., обусловили конфронтационный характер генезиса гражданского общества, который происходил «снизу» при жестком со-

---

²² Козн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 7–8.

²³ Павленко Ю.Г. Современное гражданское общество // Вопросы экономики. 2008. № 10. С. 96–107; и др.

противлении «сверху», в условиях слабой правовой базы, незрелости третьего сословия и средних слоев, в отсутствии реальной многопартийности. Незрелость гражданского общества являлась причиной его дезинтеграции и кризиса в 1917 г. В целом исследователи придерживаются взгляда, что в царской России гражданское общество находилось на «начальной стадии становления», оно характеризуется как «незавершенное», «неразвитое», «зачаточное». В то же время признается факт существования общественных структур, в которых воплощался импульс к формированию гражданского общества, указывается на своеобразие его российской модели, сложившейся в особых исторических, социо- и этнокультурных условиях атрофии общественного и гипертрофии государственного начал.

Применительно к России начала XX в. под элементами гражданского общества понимаются социальные группы населения, легальные общественные и сословные организации и институты, которые представляли самостоятельную идейно-общественную силу, выражали частные интересы людей, сдерживали официальную власть, стабилизировали общественные отношения и процессы посредством мирной работы и общественного мнения.

Сибирские историки Н.Н. Покровский, В.И. Шишкин, М.В. Шилловский, Т.А. Сабурова, А.В. Литягина, Е.А. Дегальцева, А.В. Иванов и др. рассмотрели различные элементы общественно-политического континуума региона, связанные с многовековыми мирскими традициями демократического самоуправления, деятельностью государственных и общественных структур, отметили усиление социальной самоорганизации населения в начале XX в., незрелость и малочисленность институтов гражданского общества. Так же, как В.Ф. Тотомианц, М.И. Туган-Барановский, Н.И. Зибер, Ким Чан Чжин, А.В. Лубков, А.П. Корелин, Б.Н. Миронов, С.В. Тютюкин, Е.Ю. Болотова, они указали на потенциал потребительской кооперации с точки зрения его становления.

Во втором параграфе «Проблема кооперативной идентичности» на основе экономической теории кооперации, разработанной И.В. Емельяновым²⁴, выявлены особенности кооперативных структур в сравнении с другими общественными организациям и некооперативными экономическими образованиями – капиталистическими предприятиями и акционерными обществами.

Потребительские кооперативы, имеющие практически все внешние структурные характеристики акционерной компании (акционерный / долевой / паевой капитал, собрание членов / акционеров, дивиденды, вы-

---

²⁴ Емельянов И.В. Экономическая теория кооперации.

плачиваемые на акции / паи), не являются акционерными обществами благодаря: 1) ограничению дивидендов, выплачиваемых на акции, 2) ограничению числа акций на одного акционера, 3) замене принципа голосования по количеству акций на равноправное голосование независимо от количества паев. Важнейшим и исчерпывающим признаком кооперативной организации выступает ее совокупная структура: кооператив есть *совокупность* (ассоциация) независимых автономных хозяйств (экономических единиц). При всем многообразии видов все кооперативы имеют идентичную *совокупную* форму.

Объединяя экономические единицы, кооператив не является отдельной экономической единицей в том же понимании, что и капиталистическое предприятие. Сам по себе он – *экономическая фикция*. Кооператив с его средствами служит *действующей частью* объединенных экономических единиц. Его собственное экономическое поведение продиктовано объединенными хозяйствами его членов и всего лишь отражает характер и устремления своих членов.

Устремления членов кооператива, базирующиеся на сиюминутных и сугубо частных потребительских запросах, в демократических кооперативных организациях начинают простирается в сторону удовлетворения широкого спектра разноплановых потребностей – базовых экономических (предметы потребления), социальных (общение), духовных (образование, досуг), личностных (общественная работа, самореализация). Так в деятельности потребительского кооператива возникает значимая *общественная* составляющая, особенно большое развитие получившая в Российской империи. Очевидно, что место кооперации в системе общества и государства (с учетом трехкомпонентной модели Дж. Коэн и Э. Арато) находится не всецело в экономической сфере, а *в области пересечения «экономического» и «гражданского общества»*.

На основе многочисленных исследований о деятельности потребительской кооперации как сложного экономического феномена, богатого социальными результатами (А.В. Соболев, Г.В. Гутман, Л.П. Наговицина, И.Н. Денисова, Т.В. Попкова, И.В. Палаткин и др.), можно выделить *модель* функционирования кооперативной организации в обществе. Построенная на принципах *«экономики участия»* и демократического самоуправления, модель позволяет выявить систему взаимосвязи и особенности функционирования потребительской кооперации в обществе. Кооперация рассматривается в ней как инструмент повышения социального благополучия, формирования гражданской культуры и социального капитала. Использование модели в конкретно-историческом исследовании позволит комплексно изучить потребительскую кооперацию в контексте проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного индикатора социально-культурных последствий модернизационных процессов.

Во второй главе «Потребительские кооперативы в городах Сибири в дореволюционный период» в исторической динамике показан процесс создания в городах и городских поселениях Сибири в 1890-е – феврале 1917 г. сети потребительных обществ, выявлена их роль в жизнеобеспечении городского и рабочего населения.

В первом параграфе «Облик сибирского города» на основе исследований В.П. Зиновьева, В.А. Скубневского, М.В. Шиловского, В.А. Зверева, В.И. Пронина, Д.А. Алисова, Ю.М. Гончарова, А.В. Литягиной, Е.А. Дегальцевой, М.К. Чуркина и др. сибирские города характеризуются как экономические, демографические, управленческие и культурные центры формирования бессословного модернизированного общества.

Начало индустриализации, железнодорожное строительство, усиление колонизации способствовали росту городского населения с 6,2% в 1897 г. до 10,8% в начале 1914 г. Оно росло в 1,5–2 раза быстрее, чем сельское. Около 80% городского населения сосредотачивалось в городах по линиям железной дороги. К 1911 г. в Сибири статус города имели 50 центров, включая 7 губернских и 37 уездных. Омск, Иркутск и Томск имели более чем 100 тыс. жителей, Красноярск, Новониколаевск, Чита, Барнаул – более 50 тыс.

В сословном плане в городском населении преобладали мещане и крестьяне. Город выполнял функцию социальной трансформации прибывших крестьян в бессословную категорию граждан, осуществлял вертикальную мобилизацию людей инновационно активных. Основные группы городского населения были заинтересованы в удешевлении потребляемых товаров и услуг. Городские самоуправления, как традиционные центры сосредоточения либеральной оппозиции, из-за отсутствия в регионе земства брали на себя апелляцию по насущным вопросам местной жизни и играли ключевую роль в развитии местной торговли и ее инфраструктуры.

Второй параграф «Распространение идей и форм кооперативной самоорганизации в городской среде» посвящен начальным этапам развития потребительской кооперации в городских поселениях Сибири. Несмотря на удаленность от центров общественно-экономической жизни центральной России жители рабочего поселка Петровский завод в Забайкалье в 1864 г. выступили пионерами движения потребительской кооперации. Кооператоры в Иркутске и Барнауле в конце 1860-х гг. проделали важную работу по разработке и утверждению уставов. Единичные и кратковременные попытки создания обществ потребления на волне общественного подъема в первое пореформенное десятилетие продолжились на качественно новой основе в 1890-е гг. В кооперативы стали вступать не только культурные и состоятельные горожане – постепенно потянулись и менее обеспеченные слои.

Стартовые позиции для стабильного развития хозяйственной и торговой деятельности оказались недостаточными. Общей характеристикой потребительных обществ конца XIX – начала XX в. была их финансово-хозяйственная слабость, почти все они оказались нежизнеспособными и прекратили свою деятельность. До 1917 г. дожили лишь кооперативы, существовавшие при поддержке управлений железных дорог, горных заводов и других предприятий. Городские всесословные общества еще не создали центров интеграции, собственного производства, культурных учреждений, занимались преимущественно торговой деятельностью, имели высокие паевые взносы, большой процент продажи товаров в кредит, высокие дивиденды на паи.

В то же время проделанная кооператорами 1890-х гг. работа имела важное положительное значение. Приобретался опыт снабжения пайщиков товарами на основе соглашения с торговцами о скидках, организации собственной торговли, хлебопечения, заготовки мяса, организации культурной работы. Выявилась привлекательность потребительской кооперации для населения.

После революции 1905–1907 гг. возможности для создания кооперативов расширились благодаря введению демократических свобод и некоторому улучшению положения рабочих. Но немногочисленные потребительные общества в сибирских городах погибали вследствие неудачного хозяйствования или были закрыты властями по политическим причинам.

В третьем параграфе «Повышение роли городских потребительских кооперативов в жизнеобеспечении населения» показан процесс устойчивого и непрерывного развития потребительской кооперации в городах Сибири с 1912 г. В условиях пристального внимания властей, известного недоверия населения и прямого противодействия частного торгового предпринимательства потребительская кооперация постепенно занимала экономическую нишу розничной торговли. В целом в городских поселениях Сибири в дореволюционный период было образовано более 110 потребительских кооперативов. В процентном отношении доля городских обществ по сравнению с сельскими в общем количестве потребительских кооперативов Сибири была невелика и постоянно снижалась – с 5,2%, в 1912 г. до 1,6% в 1917 г., что объяснялось большим количеством учрежденных в деревнях мелких потребительских кооперативов. Но по численности, размаху деятельности, величине оборотов городские кооперативы заметно превосходили сельские. В 1916 г. в Сибири в мелких городах кооперативы насчитывали от 450 до 1 тыс. членов, в крупных – до 3,3 тыс. Вместе с членами семей пайщиков с потребительскими кооперативами было связано до трети горожан, обороты на одно общество достигали полумиллиона рублей в год. Доля участия городского населения в

потребительской кооперации к 1916 г. заметно увеличилась, приблизившись к общероссийскому уровню.

На разных этапах действовали разные группы причин для развития городской потребительской кооперации. До обострения хозяйственного кризиса в 1915 г. кооперативы концентрировались на развитии общественной торговли с целью противодействия эксплуатации со стороны торгового посредника. Немаловажную роль играло желание приобщиться к общественной работе и культурной жизни. С 1916 г. непосредственными причинами учреждения кооперативов являлись дороговизна и бестоварье. Источники подтверждают прямую взаимосвязь между ростом рыночных цен и численным ростом кооперативов. Большое значение для Сибири, особенно Восточной, имела конструктивная деятельность политических ссыльных, среди которых оказалось много инициативных организаторов кооперативного движения.

Рост кооперации в том или ином регионе напрямую зависел от эффективности протекавших там модернизационных процессов, а также от отношения губернской власти, особенностей географического положения и специфики торгово-экономической ориентации территории, предприимчивости самих кооператоров. Кооперативы вносили существенный вклад в жизнеобеспечение горожан. В кооперативных магазинах пайщики, жители города и окрестных деревень приобретали по доступным ценам заготовленные на местных и иногородних рынках товары массового спроса, продукцию кооперативного хлебулочного, кондитерского, колбасного, мыловаренного, пошивочного и других производств.

В третьей главе «Условия и основные направления развития кооперативной самостоятельности» исследуется процесс реализации кооперативами уставных целей. В первом параграфе «Кооперативное законодательство и уставы как правовая основа социальной активности населения» выясняется, насколько дореволюционное право и общественно-политические условия способствовали учреждению и деятельности кооперативов.

Нормы законодательства и Нормальный устав в целом являлись реальной основой практической реализации рочдельских принципов добровольности, общедоступности и автономности. Это проявлялось в возможности осознанного, в целом свободного, массового вступления населения в кооперативы, организации эффективной торговой деятельности, правильном распределении прибыли.

О соответствии сибирской городской кооперации основным критериям потребительных обществ рочдельского типа как некоммерческих организаций, рассчитанных на самопомощь, а не на извлечение прибыли, свидетельствовали невысокие паевые взносы (3–10 руб.) и размеры дивидендов (0,9–8% на паевой рубль). Наиболее распространенный размер

дивиденда составлял 6%, что не превышало текущую банковскую учетную ставку. Подавляющее число кооператоров владели одним–двумя паями. Распределение прибыли происходило преимущественно пропорционально активному участию в операциях кооператива – по закупкам товаров. В годы войны усилилась тенденция отчисления прибыли от посторонних и части дивидендов пайщиков на общественные и культурные цели. Общества постепенно отказывались от торговли в кредит, одновременно организуя систему кредита для групп малообеспеченных пайщиков. Наценки при розничной торговле колебались от 7 до 27%, что позволяло конкурировать с частной торговлей и устанавливать цены в большинстве случаев ниже среднерыночных. Принцип низких цен дополнялся скидкой на цену товаров, продаваемых в кредит муниципальным учреждениям.

Отличительная черта кооперативов заключалась в незначительности собственных капиталов и отсутствии финансовой самостоятельности. Существенным изъяном дореволюционного права являлась слабая проработка вопросов, связанных с налогообложением и порядком привлечения кооперативами дополнительных финансовых средств, которое осуществлялось в основном через Московский народный банк и кредитные кооперативные союзы, а в годы войны – в городских общественных банках.

Во втором параграфе «Развитие кооперативной демократии и самостоятельности пайщиков» раскрывается внутренний механизм функционирования потребительской кооперации, обеспечивавший ее способность к самоорганизации. В основе развития самостоятельности пайщиков, демократического самоуправления и контроля лежали положения нормального устава о верховенстве общего собрания, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, равноправии участников независимо от числа паев.

В рабочих обществах потребителей с более однородным социальным составом наблюдалась более высокая степень солидарности и доверия между рядовыми пайщиками и кооперативным активом. Процесс социальной интеграции во всех сословных потребительных обществах с выраженными социальными и имущественными различиями среди членов проходил драматическим образом – с острыми конфликтами, борьбой группировок и личностей. Среди пайщиков наблюдались равнодушие, пассивность, низкий уровень членского участия, антикапиталистические настроения наряду со стремлением к существенным дивидендам. В аппарате управления – тенденции к групповщине и авторитарному стилю руководства. Почти половина из созданных в 1912–1916 гг. в 14 сибирских городских кооперативах 75 общих собраний не состоялись из-за отсутствия кворума, что заставило некоторые кооперативы понизить уставные нормы представительства.

Преодоление сословного, территориального и коммуникативного разобщения происходило на основе последовательного применения на практике положений устава, деятельности общих собраний, которых насчитывалось от 2 до 12 в год, организованных внутри кооперативов общественных комиссий, культурных мероприятий. Одновременно с постоянным обновлением состава руководителей и наймом на ответственные должности в правления профессионально подготовленных специалистов торгового дела сформировалась когорта известных в Сибири кооперативных работников с большим стажем (Д.И. Голенищев-Кутузов, А.Н. Гладышев, П.Н. Марков, А.Н. Чеботарев, А.В. Байкалов, И.А. Ловцов, А.К. Скворцов, В.Р. Романов и др.).

В третьем параграфе «Участие кооперативов в решении продовольственной проблемы в годы Первой мировой войны» раскрывается кооперативный опыт общественного регулирования в период острого социально-экономического кризиса.

Кооперативная торговля сыграла важную роль в снабжении населения в периоды сахарных, мучных, мясных кризисов, потрясавших рынки сибирских городов, что подтверждается фактами активного участия кооперативов Верхнеудинска, Тобольска, Тайги, Новониколаевска, Томска, Мариинска, Нарыма, Барнаула, Бийска, Кургана, Омска, Красноярска, Иркутска, Читы в продовольственных кампаниях совместно с органами городского самоуправления и другими общественными структурами. В этих городах до трети и более горожан снабжались из кооперативных лавок, в том числе по карточкам. В мелких городских поселениях кооперативы нередко становились монопольными хозяевами местного рынка.

Важное экономическое и общественное значение городских и рабочих кооперативов Сибири в годы войны заключалось в выполнении огромного объема торгово-заготовительной работы по снабжению населения и армии; иницировании сотрудничества с местным самоуправлением и разработке методов его осуществления, учитывавших природу кооперативных организаций; активизации потенциала городских структур, общественных организаций и населения для борьбы с продовольственным кризисом. По мере его углубления деловые отношения с властными и бизнес-элитами расширялись и укреплялись, периодически блокируясь моментами враждебности и конкуренции. Обратной стороной выполнения общенациональной повестки дня в годы войны явилось усиление распределительных функций потребительских кооперативов, что привело к росту их финансовой зависимости от государства в ущерб самостоятельности и самостоятельности.

Итоги и перспективы участия потребительской кооперации в регулировании хозяйственной жизни обсуждались на совещании представителей кооперативов Западной Сибири в Новониколаевске 27–28 ноября

1916 г. Резолюции с предложениями по формированию правительства народного доверия, передаче учета, заготовки и распределения всех продуктов общественным организациям и кооперативам, увеличению посевных площадей, сохранению твердых цен и т.п. были отправлены в Петроград членам Государственной Думы и Государственного совета.

В четвертой главе «Роль кооперации в достижении общественного согласия» анализируется идеационная сторона кооперации как широкого общественного движения, прослеживаются процессы формирования идеологии интеграции, культурного наставничества и политической нейтральности. В первом параграфе «Формирование идеологии интеграции и союзного строительства» раскрываются принципы и содержание организационной деятельности городских потребительных обществ по созданию кооперативных союзов, особенности отношений между городскими и сельскими кооперативами.

Попытки организации объединений потребительных обществ, заинтересованных в оптовой закупке товаров, предпринимались в Барнауле и Минусинске в 1910–1911 гг., первый кооперативный союз был образован в Мариинске в 1913 г. Сибирь являлась регионом наиболее мощного в России союзного кооперативного строительства. К 1917 г. в регионе действовало около 30 союзных объединений, из них 12 – потребительской кооперации.

Важная роль в их организации принадлежала городским потребительным обществам как идейным, организационным, хозяйственным и кадровым центрам. Вхождение городских потребительных обществ в кооперативные союзы придавало устойчивость хозяйственной деятельности, гарантировало защиту интересов в органах власти и могло обеспечить снижение торговых издержек.

Но попытки объединения потребителей города и деревни столкнулись с глубокими противоречиями. Обнаружилось расхождение интересов городской и сельской кооперации как в потребительских, так и в смешанных союзах. Численное преобладание в составе союзов сельских кооперативов, заинтересованных продать дороже продукцию своих членов, и многоступенчатость товаропроводящей союзной сети с системой складских наценок создавали для городских потребительных обществ невыгодные условия хозяйствования. Выход виделся в устранении лишнего посредничества районных объединений и установлении прямых хозяйственных связей городской кооперации с областными и центральными союзами. Практически с начала возникновения союзов городские кооперативы стали сокращать размеры закупок через их товаропроводящую сеть, а с конца 1916 г. стремились к размежеванию с сельской кооперацией и созданию Всесибирского союза городской кооперации.

Во втором параграфе «Освоение культурного пространства городов» показан постепенный переход кооперативов в Красноярске, Чите, Иркутске, Верхнеудинске, Новониколаевске, Омске, Тайге к планомерной работе в культурной области. По решению общих собраний создавались культурно-просветительские комиссии, отчислялись средства в культурные и общественные фонды, которые пополнялись также за счет прибыли от посторонних покупателей и части дивидендов пайщиков. Средства шли на приобретение кооперативной литературы, выписку газет и журналов, организацию Народных домов, библиотек и читален, чтений, лекций, спектаклей, досуговых мероприятий. Отчисления производились в фонды кооперативного университета им. А.Л. Шанявского в Москве, предполагаемого в Иркутске Восточносибирского университета, местные школы и училища, на стипендии учащимся. Обязательной статьей расходов являлись благотворительные пожертвования в пользу семей запасных и раненых воинов, беженцев, малоимущих.

Главное внимание в культурной работе в соответствии с уставными целями уделялось кооперативной агитации и пропаганде (лекции для пайщиков и служащих, учащихся учебных заведений). Важную роль в пропаганде кооперативной идеологии и создании общесибирского информационного пространства играла кооперативная периодическая печать: журналы «Наше дело» и «Кооперативное слово» (Чита), «Самодетельность» и «Самодетельность потребителя» (Красноярск), «Иркутский кооператор».

Потребительные общества содействовали развитию народного образования, организовывали и финансировали воскресные школы, курсы и лекции для неграмотного и малограмотного взрослого населения, школы для детей, библиотеки и читальни, курсы по кооперативному счетоводству.

Для сплочения членского состава важным являлось устройство досуговых мероприятий. В кооперативах действовали драматические кружки, ставились спектакли, проводились тематические вечера, сеансы кинематографа, экскурсии, устраивались детские площадки и праздники. Культурные мероприятия в Омске и Новониколаевске сложились в систему кооперативных клубов. Клубные вечера и культурные мероприятия оставляли глубокие впечатления у участников атмосферой товарищеского общения. Их благотворность была очевидна особенно для малоимущего населения.

Широкая культурная работа готовила почву для создания Народных домов как центров местной культурной и кооперативной жизни, вмещавших в себя кооперативные конторы и лавки, библиотеки, кружки, аудитории и концертные залы. Характерными чертами культурных мероприятий являлся их агитационный характер, открывавший доступ как пайщикам, так и посторонним, ориентация на демократические слои

населения, продвижение культуры на городские окраины. Динамику этому процессу придавало бурное кооперативное строительство и вовлечение в кооперацию новых слоев населения – женщин, молодежи, профессионально обученной интеллигенции.

Определенное интенсифицирующее воздействие на развитие культурной работы кооперативов оказала обстановка военного времени, вызвавшая к жизни идеи гражданского единения, неприятия хаоса, показавшая востребованность гуманистических ценностей.

В политике культурного наставничества сибирских кооперативов отчетливо проявилась связь экономического успеха с социальной интеграцией. В отличие от казенных потребительных обществ культурная работа городских и рабочих кооперативов не ограничивалась субсидиями институтам социального попечительства. Постепенно деятельность культурно-просветительных комиссий развернулась достаточно широко, происходила ее переориентация на организацию мероприятий с непосредственным участием членов-пайщиков и опорой на их самодеятельность.

В третьем параграфе «Между революционным переломом и политическим конформизмом: выбор целей и путей развития» рассматривается влияние на кооперативную работу различных политических сил. Городские и рабочие кооперативы оказались привлекательны для представителей разных политических партий и течений: меньшевиков, большевиков, эсеров, бундовцев, областников, которые видели в них средство улучшения своего материального положения в условиях ссылки и возможность вести легальную общественную деятельность. Влияние социал-демократов (большевиков и меньшевиков) распространялось главным образом на потребительские кооперативы рабочих, такие как «Трудовой союз» в Чите, «Самодеятельность» в Красноярске, «Экономия» в Верхнеудинске. В городских всесословных обществах присутствие тех или иных политических сил являлось не постоянным, но в аппарате управления наибольшим влиянием пользовались меньшевики и эсеры.

Воздействие политических партий на кооперативную работу носило противоречивый характер. Негласная слежка полиции за социал-демократами и их аресты ослабляли позиции кооперативов как хозяйствующих субъектов. Нередко деструктивная критика оппозиционными силами органов городского самоуправления и частного бизнеса, носившая выраженный идеологический характер, осложняла достижение договоренностей по ведению совместной торгово-заготовительной деятельности. В то же время под влиянием социал-демократов кооперативы увеличивали отчисления из прибыли на культурно-просветительную работу и в общественные фонды.

Представители политических партий использовали городскую и рабочую кооперацию в ходе проведения кампаний по борьбе с дороговиз-

ной. В условиях разочарования населения в официальной продовольственной политике их пропаганда способствовала росту общественно-политической активности пайщиков и пониманию сущности политических требований общедемократического характера – свободы коалиций, демократических реформ, введения земства, формирования правительства народного доверия, модернизации кооперативного законодательства. Однако радикальные политизированные выступления не находили поддержки даже в среде пайщиков-рабочих, для которых приоритетными оставались экономические мотивации и желание заниматься собственно кооперативной работой. Основная масса рядовых участников кооперативного движения как во сословных, так и в рабочих обществах не приветствовала проекты использования потребительских организаций в нелегальных целях.

В «Заключении» подведены итоги исследования и сделаны основные выводы. В конце XIX – начале XX в. в городских поселениях Сибири складывались благоприятные условия для распространения кооперативных форм жизнеобеспечения. Возрастала плотность населения, прогрессировала культурно-деловая сфера, наметился подъем общественной активности. Однако формирование новой урбанизированной среды не сопровождалось адекватным развитием социальной инфраструктуры, продовольственное положение оставалось напряженным. Эта ниша оставалась открытой для потребительской кооперации.

В 1890-е гг. в условиях ускоренного развития капитализма, связанного в Сибири с железнодорожным строительством и усилением колонизации, потребительские кооперативы начали органично встраиваться в социально-экономическую структуру городских поселений и занимать место недостаточно развитой розничной торговли. Потребительская кооперация становилась средством повышения материального благосостояния широких слоев населения и в целом была поддержана правительственными учреждениями и городской общественностью. Ее устойчивый рост в городах Сибири начался с 1912 г. в обстановке стабилизации внутриполитической ситуации и экономического подъема. В целом в дореволюционный период было создано более 110 потребительских кооперативов. На малочисленные, в сравнении с сельскими, городские и рабочие кооперативы приходилось почти 30% от общего товарооборота сибирской потребительской кооперации, достигшего к 1917 г. 20 млн руб., что свидетельствовало о достаточно высоком уровне их предпринимательской деятельности.

Кооперативная идея и ее реализация пробивала себе дорогу в сложных и противоречивых условиях самодержавной политической системы, сословного строя, неразвитости структур гражданского общества, слабости среднего класса, являвшегося на Западе двигателем модернизацио-

ных, урбанизационных процессов и носителем ценностей гражданской культуры. Только в конце 1915 г. кооперация была передана от МВД в ведение Министерства торговли и промышленности. Отношение к потребительской кооперации в правительственных кругах, колебавшееся между поощрением и надзором, уверенно менялось на благожелательное. Проект нового Нормального устава, который существенно ограничивал права кооперации, не получил одобрения и поддержки в правительственных кругах. Действующим законодательным актом оставался Нормальный устав 1897 г., обеспечивавший правовые основы процесса реализации кооперативных принципов добровольности, общедоступности и автономности. Юридическая сила его положений поддерживалась действиями судебной системы, местной и центральной властью, которая не вмешивалась во внутренние дела кооперативных организаций.

Нормы закона позволяли создавать кооперативы рочдельского типа, идентифицировать их в правовой и экономической сферах и отличать от частных предприятий. Сибирские городские кооперативы соответствовали основным критериям потребительных обществ рочдельского типа как некоммерческих организаций, рассчитанных не на извлечение прибыли, а на самообеспечение и взаимопомощь. Их отличительная черта заключалась в незначительности собственных капиталов, отсутствии финансовой самостоятельности. Несовершенство законодательства затрудняло получение кооперативами денежных кредитов. По сути, в отношениях с властными и бизнес-элитами в этом главном вопросе они действовали в рамках все той же патерналистской парадигмы, но с более слабых позиций.

Всесословные и рабочие независимые кооперативы являлись совершенно новым типом массовых организаций с точки зрения развития гражданской инициативы и самостоятельности. В отличие от казенных кооперативов они создавались без какого-либо участия «сверху», представляли собой стихийную форму самоорганизации населения, самостоятельно наращивали и реализовывали свой организационно-хозяйственный потенциал. В потребительных обществах устанавливались тесные контакты между большими группами горожан из разных социальных слоев – представителей чиновничества, служащих, интеллигенции, студенчества, рабочих, предпринимателей. На месте патриархального «местного», «соседского» принципа, свойственного общественной жизни деревни, в городских кооперативах возникала иная общественная атмосфера и новая ментальность, связанная с развитием самостоятельности на основе свободного осознанного выбора.

Последовательное применение на практике положений Нормального устава о верховенстве общего собрания, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, равноправии участников сдерживало центробежные разруши-

тельные силы, изначально присущие социально гетерогенным кооперативным организациям. Постепенно преодолевалось сословное, территориальное и коммуникативное разобщение, вырабатывались навыки ведения диалога и дискуссии, формировались мотивации к участию в общественной работе. Стабилизирующими факторами, способствовавшими достижению консенсуса и сплоченности пайщиков вокруг «общего дела», являлись эффективная хозяйственная деятельность, работа общих собраний и общественных комиссий, авторитет руководителей, профессионализм наемного штата.

Развитию самодеятельности пайщиков и укреплению жизнеспособности кооперативов способствовала культурная работа. Сибирская городская кооперация подтверждала особенность складывающейся российской кооперативной традиции, сочетавшей чисто хозяйственную практику с формированием духовных ценностей. Создаваемые городскими и рабочими кооперативами площадки для общения и проведения культурного досуга способствовали преобразению социокультурной жизни сибирской провинции. Получили развитие актуальные для того времени идеи благотворительности, внешкольного образования, кооперативных клубов и Народных домов как центров кооперативной и культурной жизни.

Кооперативы создавались преимущественно на основе меркантильных, узких, групповых интересов как частные организации самопомощи. Этим они отличались от прочих общественных организаций, объединявших единомышленников, преследовавших идеальные цели и не распределявших прибыль. Но деятельность на основе демократического представительства и контроля, выборности, подотчетности, коллегиальности способствовала преодолению индивидуального эгоизма членов, соединению частных интересов с коллективными и достижению универсальной цели общего блага.

Идеи интеграции являлись стержневыми в деятельности кооперации. Городские общества стояли у истоков создания большинства сибирских кооперативных союзов. Однако попытки игнорирования экономических интересов городских обществ и создания преференций для сельских кооперативов не способствовали складыванию прочных союзных объединений. Экономическая детерминанта срабатывала и по отношению к политическим течениям. Радикальные политизированные выступления кооперативного актива, обострявшие отношения с рядовыми кооператорами, органами городского самоуправления, союзами городов и военно-промышленными комитетами, также не находили существенной поддержки в среде пайщиков. Основная масса участников кооперативного движения как во сословных, так и в рабочих обществах не приветствовала попытки использования своих организаций в нелегальных це-

лях, сознательно или спонтанно поддерживая идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя.

В период 1912–1917 гг. потребительская кооперация в городах Сибири превратилась в наиболее массовую и организованную часть городского социума. Расширяющаяся кооперативная торговля, проведение мероприятий в сфере культуры и организации досуга повышали авторитет кооперации у населения. Увеличивая торговые обороты, выплачивая дивиденды своим пайщикам, кооперация способствовала повышению качества жизни не только своих клиентов, но и горожан. Она становилась самостоятельным источником влияния на местную жизнь, распространяя идеи интеграции и сотрудничества на другие общественные структуры. Постепенно выстраивались связи на местном, региональном и общероссийском уровне – с городскими корпорациями и общественными организациями, кооперативными потребительскими и кредитными союзами, Московским союзом потребительных обществ, Московским народным банком. Кооператоры обращались за содействием и с предложениями в органы губернской администрации, Государственную Думу, Государственный совет, Совет министров и различные министерства, способствуя повышению организованности интересов граждан перед лицом власти.

В наибольшей степени экономическое и общественное значение городской кооперации проявилось в годы Первой мировой войны. В деятельности кооперации отчетливо проявилась связь экономического успеха с социальной интеграцией, свидетельством чего стали впечатляющие цифры ее количественного роста. Потребительская кооперация являлась единственной массовой организацией, выполнявшей функцию общественного регулирования в хозяйственной сфере. Сотрудничество в решении продовольственного вопроса с местным самоуправлением и контроль «снизу» дополняли экономическую функцию кооперативов социально-интегративной. Именно эта социально-интегративная сторона позволяет рассматривать кооперацию в контексте идеи гражданского общества, характеризующегося высоким уровнем самоорганизации народа. Соединение в практической работе двух важнейших форм местной жизнедеятельности – потребительской кооперации и органов городского самоуправления – создавало предпосылки для формирования гражданского общества на региональном уровне.

Городская потребительская кооперация выступала органичной частью модернизационных процессов в экономике и социально-культурной сфере сибирского города. Как крупное общественное явление она сформировалась в предвоенные и военные годы. Несмотря на ограничения рыночных отношений это был период развития свободной, независимой, самостоятельной кооперации, продвигавшей в сознание и повседневную практику городской общественности ценностей и норм гражданского

общества. Участие в самоуправляющихся кооперативных организациях пайщиков, представлявших большие группы городского и рабочего населения, способствовало распространению кооперативной идеологии, укрепляло социальные связи, формировало положительный опыт и культуру социального действия. В кооперации создавалась качественно новая идентичность личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия – преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству, самопомощи, новаторским решениям. Кратковременный исторический лаг не позволил закрепить позитивный тренд развития кооперативной системы. В последующий период кооперация уже не имела возможности проявить весь заложенный в ней модернизационный потенциал.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. *Запорожченко Г.М.* Хозяйственная деятельность городских потребительских кооперативов Сибири в конце XIX – начале XX в. / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Томск. гос. ун-та. История. 2010. № 1(9). С. 43–50.
2. *Запорожченко Г.М.* Особенности формирования сети городских и рабочих кооперативов в Сибири в конце XIX – начале XX в. / *Г.М. Запорожченко* // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 52–56.
3. *Запорожченко Г.М.* Образовательная деятельность городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в начале XX в. / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Томск. гос. ун-та. 2011. № 349. С. 81–84.
4. *Запорожченко Г.М.* Потребительская кооперация Сибири начала XX в. как элемент развития гражданского общества: историография проблемы / *Г.М. Запорожченко* // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 37–41.
5. *Запорожченко Г.М.* Реформы П.А. Столыпина и становление организационных основ кооперативных форм хозяйствования в дореволюционной Сибири / *Г.М. Запорожченко* // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 19–23.
6. *Запорожченко Г.М.* Формирование хозяйственного механизма городской потребительской кооперации Сибири в начале XX в. / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 373. С. 88–91.
7. *Запорожченко Г.М.* Союзы потребительской кооперации в городах Сибири: проблемы и противоречия организационного строительства (1913–1920 гг.) / *Г.М. Запорожченко* // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 35–40.
8. *Запорожченко Г.М.* Опыт сотрудничества кооперации и органов власти в решении продовольственной проблемы в городах Сибири (1914 – февраль 1917 г.) / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История. 2014. Т. 13. Вып. 1. С. 61–67.
9. *Запорожченко Г.М.* Потребительская кооперация Сибири в начале XX в. в контексте проблемы кооперативной идентичности / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Томск. гос. ун-та. 2014. № 386. С. 112–116.

10. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация Сибири в начале XX в.: источниковедческий аспект / *Г.М. Запорожченко* // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 66–70.

11. *Запорожченко Г.М.* Образовательная и культурно-просветительная деятельность кооперации Сибири начала XX в. в концепте гражданского общества / *Г.М. Запорожченко* // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 221–226.

12. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX века: опыт общественного самоуправления / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История. 2015. Т. 14. Вып. 8. С. 100–108.

13. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Томской губернии в начале XX века: опыт гражданского самоуправления / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Томск. гос. ун-та. 2015. № 395. С. 102–106.

14. *Запорожченко Г.М.* Транспортная потребительская кооперация в Сибири в первой трети XX в.: от рыночной к распределительной модели / *Г.М. Запорожченко* // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 81–86.

15. *Запорожченко Г.М.* Кооперативное движение в концепте гражданского общества / *Г.М. Запорожченко* // История науки и техники. 2015. № 7. С. 23–35.

Монографии:

16. *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири в 1864–1917 гг. / *Г.М. Запорожченко*; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Сибпринт, 2004. 260 с.

17. *Запорожченко Г.М.* Транспортная кооперация Сибири в первой трети XX века / *Г.М. Запорожченко*; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Сибпринт, 2007. 232 с.

18. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / *Г.М. Запорожченко*; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 540 с.

Статьи в других научных изданиях:

19. *Запорожченко Г.М.* Развитие потребительской кооперации в дореволюционной Сибири (конец XIX в. – февраль 1917 г.) / *Г.М. Запорожченко* // Вестник Караг. экон. ун-та Казпотребсоюза. 2008. Июнь. С. 131–140.

20. *Запорожченко Г.М.* Предпринимательская деятельность городских и рабочих потребительских кооперативов Сибири в годы Первой мировой войны / *Г.М. Запорожченко* // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2009. С. 87–90.

21. *Запорожченко Г.М.* Потребительская кооперация и развитие народного образования в Сибири (1900–1920 гг.) / *Г.М. Запорожченко* // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы всерос. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 134–137.

22. *Запорожченко Г.М.* Сибирская кооперация на первом Всероссийском кооперативном съезде в Москве в 1908 г. / *Г.М. Запорожченко* // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений: сб. науч. тр. Новосибирск: СибУПК, 2009. Вып. 6. С. 6–16.

23. *Запорожченко Г.М.* Социокультурный потенциал потребительской кооперации Сибири: дореволюционный опыт / *Г.М. Запорожченко* // Социокульту-

турные трансформации населения Сибири в XX веке: сб. науч. тр. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2011. С. 91–112.

24. *Запорожченко Г.М.* Потребительская кооперация Сибири: опыт самоорганизации населения в условиях хозяйственного кризиса периода Первой мировой войны / *Г.М. Запорожченко* // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 97–103.

25. *Запорожченко Г.М.* Потребительская кооперация дореволюционной Сибири как феномен гражданского общества: историографическая ретроспектива / *Г.М. Запорожченко* // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX в.: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2011. С. 118–121.

26. *Запорожченко Г.М.* Проблемы формирования и развития низовой сети потребительской кооперации в городах Сибири в начале XX в.: новониколаевский кооператив «Экономия» / *Г.М. Запорожченко* // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 5–6. С. 3–10.

27. *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири: опыт адаптации к рыночной экономике / *Г.М. Запорожченко* // Кооперация: прошлое и настоящее: материалы и исследования. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. Вып. 2. С. 47–61.

28. *Запорожченко Г.М.* Реализация кооперативных принципов в практической работе городской потребительской кооперации Сибири в начале XX в. / *Г.М. Запорожченко* // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории: сб. науч. тр. Новосибирск: СИБУПК, 2013. Вып. 7. С. 7–27.

29. *Запорожченко Г.М.* Журналы «Союз потребителей» и «Объединение» как исторический источник по изучению потребительской кооперации Сибири в начале XX в. / *Г.М. Запорожченко* // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории: сб. науч. тр. Новосибирск: СИБУПК, 2013. Вып. 7. С. 201–253.

30. *Запорожченко Г.М.* Первые исследователи истории кооперации Сибири Н.А. Рожков и Д.И. Голенищев-Кутузов / *Г.М. Запорожченко* // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории: сб. науч. тр. Новосибирск: СИБУПК, 2013. Вып. 7. С. 301–309.

31. *Запорожченко Г.М.* Периодическая печать как источник по истории потребительской кооперации Сибири начала XX века / *Г.М. Запорожченко* // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омский гос. аграр. ун-т. 2014. Ч. 1. С. 180–186.

32. *Запорожченко Г.М.* Потребительские кооперативы в вузах Томска: взаимоотношения власти и студенческой молодежи (1910–1921 гг.) / *А.А. Николаев, Г.М. Запорожченко* // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI – XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 233–243.